

ЗАБАВНЫЕ ИСТОРИИ

АВАКЪЯНЦ ВАЛЕРИЙ

Валерий Авакьянц

Забавные истории

<https://litres.ru/74123123>

SelfPub; 2026

Аннотация

Откройте дверь в мир лёгкого юмора и добрых улыбок — сборник «Забавные истории»! В нём — короткие, понятные каждому рассказы, где обычное становится необыкновенным: асфальт ведёт себя как капризный артист, окно заводит дружбу с вороной, а вино раскрывает не оттенки букета, а секреты настоящей дружбы. Здесь есть и путешествия («Крым», «Америка»), и бытовые зарисовки («Стол», «Ремонт»), и неожиданные взгляды на привычные вещи («Взгляд», «Голова»). Истории созданы в творческом союзе автора и нейросети — и в каждой живёт искра живого юмора. Хотите на пять минут забыть о заботах и посмеяться от души? Прочитайте весь сборник — и пусть хорошее настроение останется с вами надолго!

Содержание

«Крым, или Как мы чуть не стали местными»	4
Америка	8
Почтальон	11
Мышка	15
«Земля»	19
Офицер	23
Футболист	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Валерий Авакьянц

Забавные истории

«Крым, или Как мы чуть не стали местными»

Я всегда думал, что Крым — это когда ты просыпаешься, смотришь на море, вдыхаешь солёный воздух и сразу становишься философом. Ну, или хотя бы человеком, который не злится из-за пустяков. В общем, поехал я туда с друзьями, чтобы обрести гармонию. А обрёл... приключения.

Мы сняли домик в посёлке, который на карте выглядел как уютная точка, а в реальности оказался местом, где все друг друга знают, а тебя — нет. И смотрят с любопытством, будто ты инопланетянин, который случайно приземлился не туда.

В первый же день мы пошли на пляж. Дорога к нему шла через рынок, и это было отдельное испытание. Тётушки с черешней смотрели на нас так, будто мы пришли не покупать, а шпионить.

— Чего стоите? Пробуйте! — крикнула одна, протягивая мне ягоду.

Я попробовал. И понял, что вся черешня, которую я ел

раньше, была просто тренировкой перед настоящей.

На пляже нас ждал сюрприз: лежаки были, но все заняты полотенцами, которые лежали там с утра и, кажется, планировали остаться до конца сезона. Мы нашли два свободных места у самой воды — и тут же поняли, почему они свободны: прибой периодически накрывал их волной. Но мы не сдались. Мы расстелили полотенца, сели и гордо сказали: «Мы покоряем стихию!» Стихия покорила, но наши вещи — не очень. К обеду у нас был комплект слегка солёной одежды.

После пляжа мы решили поехать на экскурсию в горы. Взяли джип-тур, потому что «так круче». И правда, круче: круче, чем я думал. Водитель, дядя Вася, был легендой местных дорог. Он так виртуозно объезжал ямы, что казалось, будто машина танцует.

— Держитесь крепче! — кричал он, влетая в очередной поворот.

Мы держались. За сиденья, друг за друга, за что придётся. И смеялись, потому что если не смеяться, то можно только кричать.

В горах мы увидели водопад. Маленький, но гордый: он шумел так, будто был Ниагарским, просто стеснялся признаться. Мы сфотографировались на его фоне, и на фото все выглядели так, будто только что пережили великое испытание и вышли из него победителями.

Вечером мы пошли в кафе, чтобы попробовать местную кухню. Нам принесли блюдо, название которого я не смог

выговорить, но съел с удовольствием. Потом ещё одно. И ещё. В какой-то момент я понял, что если продолжу в том же духе, то домой вернусь не философом, а человеком, который познал гастрономическое счастье.

На следующий день мы решили, что пора увидеть что-то «настоящее», а не только пляжи и рынки. Поехали в пещерный город. Идти пришлось в гору, и с каждым шагом я всё больше понимал, почему древние люди жили в пещерах: наверху слишком тяжело. Но вид сверху стоил того. Весь Крым лежал перед нами, как на ладони, и казалось, что отсюда можно управлять миром. Или хотя бы погодой.

Обратно мы спускались медленно, потому что ноги уже не верили, что это необходимо. По дороге встретили местного кота. Он смотрел на нас с таким видом, будто знал все наши секреты и не собирался их выдавать. Мы угостили его кусочком сыра, и он, кажется, простил нам наше туристическое невежество.

К концу отпуска мы уже почти стали своими. Научились торговаться на рынке (но не слишком сильно, чтобы не обидеть продавцов), выбирать самые спелые персики и находить пляж, где лежаки не заняты полотенцами с утра.

А когда пришло время уезжать, мы стояли на вокзале и чувствовали лёгкую грусть. Не потому, что уезжали, а потому, что понимали: теперь придётся возвращаться к обычной жизни. Но в сердце оставалось что-то крымское — лёгкая солёность, запах моря и ощущение, что даже в самых обыч-

ных днях можно найти приключение.

Так что если вы думаете, что Крым — это просто точка на карте, съездите туда. Возможно, вы тоже станете немного другим. Или просто съедите самую вкусную черешню в своей жизни. А это уже немало.

Америка

Я всегда думал, что Америка — это где-то там, за океаном, где всё большое, быстрое и немного кричащее. Где гамбургеры размером с тарелку, а улыбки такие широкие, что кажется, будто люди тренируются перед конкурсом «Кто веселее». И вот однажды я туда попал. Не в Голливуд, не на Бродвей, а в маленький городок где-то посреди страны, где главная достопримечательность — заправка с вывеской «Лучшие пончики в трёх штатах» (а штатов вокруг было всего два).

Меня поселили в мотеле с названием «Уют и покой», хотя ни уюта, ни покоя там не наблюдалось. Кондиционер работал так, будто пытался выдуть из комнаты всю пыль вместе с мебелью, а кровать пружинила так, что я засыпал под ритм «тук-тук-прыг». Но я не жаловался — я был в Америке!

На второй день я решил познакомиться с местной жизнью и отправился в супермаркет. Это было как попасть в параллельную вселенную. Тележки размером с небольшой автомобиль, полки до потолка, и столько видов хлопьев, что я минут десять стоял и думал: «А что, если все эти вкусы — это какой-то секретный код, который мне нужно разгадать?» В итоге взял обычные кукурузные — и то потому, что они были ближе всего.

Рядом со мной стояла женщина лет пятидесяти, внимательно изучавшая этикетку на банке с чем-то, что, судя по

картинке, должно было быть соусом. Она бормотала себе под нос: «Без глютена, без сахара, без вкуса... Интересно, а без еды у них что-нибудь есть?» Я не выдержал и хихикнул. Она подняла глаза, улыбнулась и сказала: «Добро пожаловать в Америку. Тут всё либо полезно, либо вкусно, но редко когда и то, и другое».

После супермаркета я решил заглянуть в кафе, чтобы попробовать тот самый легендарный американский завтрак. Заказал «всё включено»: яйца, бекон, тосты, картошку и что-то, что официант назвал «секретным ингредиентом». Когда принесли тарелку, я понял, что «всё включено» — это не фигура речи. На тарелке было столько еды, что ею можно было накормить небольшую футбольную команду. Я мужественно одолел половину, а остальное упаковали с собой — «на ужин», как сказала официантка с такой уверенностью, будто я точно проголодаюсь к вечеру.

Вечером я гулял по городу и заметил, что здесь все очень дружелюбные. Каждый второй прохожий здоровался, будто мы старые знакомые. Один парень, выгуливавший собаку, остановился и минут пять рассказывал мне про своего пса: какой он умный, как любит бегать за мячиком и как однажды чуть не убежал за белкой, но вовремя вспомнил, что у него есть дом. Я кивал, улыбался и думал: «Вот она, американская открытость — тут даже незнакомцу расскажут всю биографию своей собаки».

На третий день я решил, что пора увидеть что-то по-на-

стоящему американское, и поехал на ранчо. Там меня встретил ковбой в шляпе, который выглядел так, будто только что сошёл с постера вестерна. Он предложил прокатиться на лошади. Я, конечно, согласился — как же без этого? Оказалось, что лошадь по кличке Бумеранг имеет своё мнение насчёт прогулок: она хотела стоять, жевать траву и смотреть на меня с лёгким недоумением, будто спрашивая: «Ты серьёзно думаешь, что я сейчас куда-то пойду?» В итоге мы с Бумерангом пришли к компромиссу: я её не трогаю, а она не уходит в соседний штат.

Перед отъездом я зашёл в сувенирный магазин, чтобы купить что-нибудь на память. Там было всё: от магнитиков с надписью «Я люблю Америку» до ковбойских шляп и футболок с принтами вроде «Я выжил в Нью-Йорке» (хотя я даже не был в Нью-Йорке). Я выбрал кружку с надписью «Кофе — мой супергерой» и подумал, что это как нельзя лучше описывает мои три дня в этой стране.

Когда я сел в самолёт, мне казалось, что я уезжаю не просто из другого города, а из другого мира — яркого, шумного, немного хаотичного, но удивительно гостеприимного. И теперь, когда кто-то спрашивает меня: «А какая она, Америка?», я улыбаюсь и отвечаю: «Это место, где даже собака имеет свою историю, а завтрак может стать главным событием дня».

Почтальон

Фёдор Николаевич был почтальоном со стажем — тридцать два года, если считать с того дня, когда он впервые взял в руки сумку, которая весила, казалось, как чугунный мост. Тогда он думал, что самое сложное — это запомнить улицы. О, как он ошибался!

Сумка, кстати, с годами не стала легче. Наоборот. В неё теперь влезало всё: письма, бандероли, каталоги, которые никто не заказывал, и даже чьи-то надежды, аккуратно сложенные в конверты с марками. Фёдор Николаевич знал: если в письме надежда — оно тяжелее обычного. Такие письма он всегда нёс ближе к сердцу.

Маршрут у него был непростой: пять улиц, два переуллка и один двор, который местные называли «лабиринтом». Туда Фёдор Николаевич заходил с особым трепетом. Потому что в этом дворе жил кот Барсик. Барсик не любил почтальонов. Вообще. Он считал, что все, кто ходит с сумками и в фуражках, — это агенты по доставке неприятностей. И каждый раз, стоило Фёдору Николаевичу свернуть в арку, Барсик выпрыгивал из-за мусорных баков, как ниндзя, и делал вид, что сейчас устроит апокалипсис.

— Барсик, ну мы же взрослые, — вздыхал Фёдор Николаевич, ловко перепрыгивая через кота. — Давай без драм, ладно? У меня тут пенсия для бабушки Марьи Семёновны,

она ждёт.

Барсик только фыркал и уходил, гордо подняв хвост, буд-то говорил: «Я тебя предупредил».

Но самым сложным в работе Фёдора Николаевича были не коты и даже не лестницы без лифтов. Самым сложным были люди. Особенно те, кто свято верил, что почтальон — это универсальный специалист.

— Фёдор Николаевич, а вы не знаете, когда воду дадут? — спрашивала тётя Люба из третьего подъезда.

— Не знаю, тётя Люб, я письма разношу, — терпеливо отвечал он.

— А может, вы в ЖЭК забежите, спросите? Вы же всё равно по пути!

Или вот ещё: дядя Витя из пятого дома каждый раз оставивал его вопросом:

— Слушай, а ты не видел мой носок? Чёрный, с дыркой на пятке. Я его вчера где-то потерял.

— Дядь Вить, я почту разношу, а не носки ищу, — улыбался Фёдор Николаевич.

— Ну мало ли, вдруг в сумке завалился...

Однажды Фёдор Николаевич даже всерьёз задумался: а не повесить ли ему на сумку табличку: «Носки не ищу. Воду не включаю. Пенсию приношу». Но потом решил, что это будет слишком официально.

А ещё были письма. О, эти письма! Иногда казалось, что люди пишут их не для того, чтобы что-то сообщить, а чтобы

просто выговориться. Были письма, в которых на трёх страницах рассказывалось, как кот опять разбросал наполнитель по всей квартире. Были письма с жалобами на шумных соседей. Были письма-исповеди, письма-просьбы, письма-благодарности. И Фёдор Николаевич, хоть и не должен был, всё равно их читал. Ну, не целиком, конечно. Так, краем глаза. Просто чтобы понять, тяжёлое оно или лёгкое.

И вот однажды случилось нечто из ряда вон выходящее. Фёдор Николаевич пришёл в «лабиринт» и увидел, что у подъезда сидит не Барсик, а... пингвин. Настоящий. Ну, по крайней мере, очень на него похожий. В чёрном фраке, белый животик, клюв серьёзный. Пингвин сидел и смотрел на Фёдора Николаевича так, будто ждал именно его.

— Ты откуда тут взялся, дружок? — осторожно спросил Фёдор Николаевич, оглядываясь по сторонам.

Пингвин молча кивнул на сумку.

— Тебе письмо? — удивился Фёдор Николаевич. — Так у нас тут пингвинов не прописано...

Тут из подъезда выскочила девочка лет семи.

— Это мой пингвин! — радостно закричала она. — Я его из коробки склеила, а он ожил!

Фёдор Николаевич вздохнул с облегчением. Коробка. Ну конечно.

— Ладно, — сказал он девочке. — Держи вот конфетку, только не пугай больше почтальонов, хорошо?

Девочка кивнула, схватила конфету и убежала, таща за со-

бой пингвина-коробку.

День продолжался. Фёдор Николаевич разносил письма, отвечал на вопросы про воду и носки, уворачивался от Барсика и думал о том, что, наверное, это и есть его призвание. Не просто разносить почту, а быть связующим звеном. Между людьми, между надеждами, между днями.

Когда он вернулся в отделение, начальник посмотрел на него и сказал:

— Фёдор Николаевич, ты опять задержался.

— Так ведь люди спрашивают... — начал оправдываться он.

— Знаю, — махнул рукой начальник. — Ты у нас не просто почтальон. Ты у нас почти психолог, почти сантехник и почти друг для всех.

Фёдор Николаевич улыбнулся. Пусть будет так. Главное, чтобы Барсик не узнал — а то опять устроит засаду.

Мышка

Всё началось с того, что в нашем офисе завелась мышка. Не компьютерная, а самая настоящая — с усами, хвостиком и, как вскоре выяснилось, с амбициями.

Сначала мы думали, что это глюк. То пакетик с сахаром сам по себе сдвинется, то крошки возле кулера появятся, будто кто-то тайком перекусывал, пока все на совещании. Но когда бухгалтер Марина Ивановна заявила, что видела «маленькое серое нечто», мы поняли: у нас гость. И не простой, а, судя по всему, хозяйственный.

На экстренном собрании (да, у нас даже экстренные собрания проходят по регламенту) решили: мышь надо поймать. Но гуманно. Наш офис — за экологию, за осознанное потребление и за то, чтобы никто не страдал. Даже если этот «никто» — грызун, который, возможно, уже оформил себе абонемент на наши печенки.

За дело взялся Стас из IT. Он принёс какую-то хитрую ловушку: коробка, нитка, кусочек сыра и инструкция на трёх листах. «Это ловушка нового поколения, — объяснял Стас, размахивая распечаткой. — Мышка заходит, тянет за нитку, коробка закрывается. Без насилия, зато с инженерной точностью».

Мы все стояли вокруг, затаив дыхание. Даже кот директора, который обычно делал вид, что мышей не замечает, по-

тому что он «аристократ», подошёл и сел рядышком — чисто из профессионального интереса.

Ловушка была установлена. Сыр положен. Мы спрятались за шкафами и стали ждать.

Прошло пять минут. Десять. Пятнадцать. Тишина.

И тут — шорох. Лёгкий, осторожный, будто кто-то крадёт в тапочках по ковру. Мышка вышла. Маленькая, аккуратная, с таким видом, будто она тут работает стажёром и просто проверяет, всё ли в порядке.

Она подошла к ловушке. Понюхала сыр. Потом посмотрела на нитку. Потом — прямо на нас, будто сквозь шкафы. И... обошла ловушку стороной. Взяла сыр и ушла. Спокойно, с достоинством.

В офисе повисла тишина. Потом Стас тихо сказал: — Она нас переиграла.

Кот фыркнул, будто хотел сказать: «Я же говорил, не надо усложнять».

Но на этом история не закончилась. На следующий день мышка пришла снова. Только теперь она была не одна. С ней был... напарник. Или, может, муж. Или стажер. В общем, их стало двое. И они явно обсуждали план захвата офиса.

Мы решили сменить тактику. Теперь ловушка была проще: обычная коробка и банка. Никаких ниток, никаких инструкций. Просто: накрыл — поймал.

Но мышка оказалась не так проста. Она не только избегала ловушек, но и начала... хозяйничать. То скрепки пере-

ставит, то в принтер залезет и оставит там пару волосков — как подпись. То в ящике стола у маркетолога найдёт забытый батончик и утащит его в неизвестном направлении.

Однажды утром мы пришли, а на доске для заметок висит записка: «Не трогайте сыр. Это мой стратегический запас». Конечно, это был розыгрыш от Стаса, но все почему-то поверили, что это дело лап мышки.

А потом случилось неожиданное. На корпоративе, когда все уже расслабились и пили лимонад, мышка вышла к нам. Прямо в центр комнаты. Села, посмотрела на всех по очереди, будто оценивала, кто достоин её доверия. И вдруг... взяла кусочек сыра, который кто-то оставил на столе, и положила его рядом с коробкой — как будто предлагала сделку.

— Она хочет договориться, — прошептала Марина Ивановна.

— Или это капитуляция, — добавил Стас.

Мы не стали её ловить. Вместо этого мы поставили ей отдельную коробочку с сыром, подальше от документов и принтеров. И с тех пор мышка больше не пряталась. Иногда она появлялась, брала свой сыр, кивала (ну, нам так казалось) и уходила.

А через месяц мы узнали, что здание собираются обрабатывать от грызунов. И тут весь офис встал на защиту нашей мышки. Мы писали письма, собирали подписи, даже кота директора привлекли — он сел у входа и смотрел на дезинсекторов так, что те сразу поняли: тут не всё так просто.

В итоге мы договорились: обработку проведут, но нашу мышку переселят в безопасное место. И знаете, что самое смешное? Когда настал день переселения, мышка сама забралась в коробку — ту самую, которую мы когда-то ставили как ловушку. Только теперь в ней был не сыр, а мягкая тряпочка и записка: «Спасибо за всё. Буду скучать».

Её отвезли в загородный дом одного из сотрудников, где, как нам рассказали, она теперь живёт в специальном домике, ест орешки и, возможно, пишет мемуары.

А в офисе стало тише. Но как-то... не так. Будто не хватает этого шороха, этого ощущения, что где-то рядом есть кто-то, кто смотрит на мир по-своему и не боится переставлять скрепки.

Иногда я думаю: может, она и не была обычной мышкой. Может, она была символом чего-то — свободы, независимости, умения находить выход из любой ловушки. Или просто очень умной и обаятельной нарушительницей спокойствия.

Теперь, когда кто-то в офисе говорит: «Кажется, тут кто-то шуршит», мы все улыбаемся. И кто-то обязательно добавляет:

— Это, наверное, мышка вернулась в гости.

И мы ждём. Потому что без неё тут как-то слишком спокойно. А спокойствие — это, конечно, хорошо. Но иногда хочется немного хаоса. И сыра.

«Земля»

Однажды утром планета Земля проснулась и поняла: что-то не так. Вроде бы всё как обычно — солнце светит, птицы поют, кофе (то есть лава) в вулканах кипит, но ощущение было такое, будто кто-то передвинул её будильник на час раньше.

— Ну вот, — проворчала Земля, поёжившись от внезапного сквозняка в стратосфере. — Опять этот Марс что-то там бурчит про «космическую этику». Как будто у него самого спутники не теряются!

Земля была планетой опытной, выдавшей виды: метеориты, динозавров, ледниковые периоды — всё это она пережила с достоинством. Но в последнее время ей казалось, что Вселенная смотрит на неё с лёгким недоумением, будто спрашивает: «А ты точно уверена, что это хорошая идея — пустить жизнь на себя?»

Всё началось с того, что Земля решила провести генеральную уборку. Ну, знаете, как бывает: сидишь, смотришь на свой стол, а там гора бумаг, и думаешь: «Надо бы разобрать». Только у Земли вместо бумаг были пластиковые пакеты, вместо стола — океаны, а вместо «надо бы» — глобальное потепление.

— Так, — сказала Земля, подтягивая свои тектонические плиты, как человек подтягивается на турнике перед серьёз-

ной работой. — Начнём с океанов.

Океаны, кстати, были не в восторге.

— Ты серьёзно? — возмутился Тихий океан. — Я тут годами собирал этот мусор, выстраивал из него целые острова, а ты теперь «убрать»? Это же искусство!

— Это экологическая катастрофа, — строго ответила Земля. — И вообще, ты слишком много болтаешь.

— А ты слишком много думаешь! — буркнул Атлантический. — Лучше бы подумала, как объяснить людям, что соломинки для коктейлей — это не новый вид макарон.

Тут в разговор вмешался Северный Ледовитый.

— Я вообще молчу, — сказал он ледяным тоном. — Потому что если открою рот, то растаю от напряжения.

Земля вздохнула. Она любила свои океаны, но иногда они вели себя как подростки, которым сказали убрать комнату.

Решив не спорить, Земля переключилась на сушу. Горы, как всегда, стояли гордо и молчаливо, будто говорили: «Мы тут ни при чём, мы просто красивые». Пустыни ворчали, что их опять хотят засадить деревьями, а леса тихо радовались, потому что наконец-то кто-то обратил внимание на их проблемы.

Но главная головная боль Земли — это, конечно, люди. Они бегали туда-сюда, строили города, изобретали гаджеты и при этом умудрялись одновременно восхищаться природой и забывать выключать свет в туалете.

— Ну почему, — вздыхала Земля, глядя на очередной ме-

гаполис, — вы не можете быть как белки? Те хоть орехи закапывают с пользой!

Однажды Земля даже попыталась поговорить с людьми напрямую. Послала им несколько предупреждений в виде землетрясений, ураганов и прочих «лёгких намёков». Но люди, вместо того чтобы задуматься, решили, что это отличный повод для селфи.

— Ладно, — сказала Земля, махнув (точнее, повернувшись вокруг своей оси) рукой. — Раз не хотите слушать, буду действовать тоньше.

И она придумала хитрый план. Каждый раз, когда кто-то забывал выключить утюг, она слегка подкручивала гравитацию в этой квартире. Не сильно, чтобы не напугать, а так, чтобы человек вдруг замечал: «Ой, а почему кружка сама едет к краю стола?»

Или, например, если кто-то выбрасывал мусор мимо урны, Земля устраивала лёгкий порыв ветра, который возвращал этот мусор прямо в руки виновнику. «Это не я, это ветер!» — кричал человек, не подозревая, что сама планета мягко намекает: «Будь внимательнее!»

Со временем люди начали замечать странные совпадения. То лампочка перегорала ровно в тот момент, когда кто-то говорил: «Да я сейчас всё сделаю!», то автобус подъезжал ровно тогда, когда человек уже махнул рукой и решил идти пешком.

— Может, Земля с нами разговаривает? — предположил

однажды один философ, сидя на скамейке и наблюдая, как голубь крадёт бутерброд у рассеянного прохожего.

— Ага, — хмыкнул другой. — И говорит она: «Ну сколько можно!»

А Земля тем временем улыбалась про себя (если у планеты может быть улыбка — а у Земли она точно была, в виде радуги после дождя). Она не злилась на людей. Ну, почти не злилась. Просто хотела, чтобы они немного замедлились, посмотрели вокруг и сказали: «Вау, тут красиво!»

И знаете, что самое удивительное? Иногда это случалось. Кто-то останавливался, чтобы полюбоваться закатом. Кто-то подбирал брошенную бумажку и относил в урну. Кто-то просто глубоко вдыхал свежий воздух и думал: «Как же здорово, что я живу на этой планете!»

И тогда Земля тихонько шептала: «Вот видишь? Всё не так уж плохо. Мы справимся».

Потому что, в конце концов, Земля была не просто куском камня в космосе. Она была домом. А дома, как известно, всегда хочется, чтобы всё было хорошо — даже если иногда приходится слегка подкрутить гравитацию.

Офицер

Лейтенант Пётр Семёнович Кошкин стоял перед зеркалом и критически себя осматривал. Фуражка сидела чуть набок, китель был идеально отутюжен, а пуговицы так и сияли, будто их натирали не щёткой, а личной надеждой на повышение. Сегодня был особенный день — первый самостоятельный развод наряда. До этого Пётр Семёнович только наблюдал, как это делают старшие товарищи, и мысленно поправлял их ошибки. Теперь же настал его черёд показать, что теория, выученная в училище, и практика — это две большие разницы, и он готов объединить их в одну маленькую, но гордую победу.

— Так, спокойно, — бормотал он себе под нос, поправляя ремень. — Главное — голос. Не кричать, а звучать. Как гром среди ясного неба, но интеллигентно.

Он вышел из каптерки и замер. Перед ним выстроились трое: ефрейтор Булкин, рядовой Мышкин и... новобранец Синецын, который смотрел на мир так, будто только что с ним познакомился и пока не решил, нравится ему тут или нет.

— Смирно! — рявкнул Пётр Семёнович, сам испугавшись своего голоса.

Рядовой Мышкин подпрыгнул, ефрейтор Булкин едва заметно усмехнулся, а новобранец Синецын так резко втянул

голову в плечи, что казалось, будто он пытается стать невидимкой.

— Товарищ лейтенант, наряд к несению службы готов! — бодро отрапортовал Булкин.

Пётр Семёнович важно кивнул, стараясь не выдать, что внутри у него всё дрожит, как желе на вибростенде. Он начал обход, заглядывая в глаза каждому, будто искал там следы заговора.

— Итак, товарищи, — начал он торжественно. — Сегодня мы не просто несём службу. Сегодня мы — лицо части. Каждый ваш шаг, каждый взгляд, каждая пуговица — это отражение нашей дисциплины.

Ефрейтор Булкин кивнул с таким видом, будто слышал это уже тысячу раз и даже записал бы конспект, если бы разрешили. Рядовой Мышкин старательно смотрел прямо перед собой, боясь моргнуть. А новобранец Сеницын продолжал выглядеть так, словно вот-вот спросит: «А можно я домой?»

— Особое внимание — внешнему виду, — продолжал Пётр Семёнович. — Пуговицы должны быть пришиты, подворотнички — белоснежны, сапоги — начищены до зеркального блеска.

Тут он заметил, что у рядового Мышкина на сапоге виднеется подозрительное пятно.

— Мышкин! — строго окликнул он. — Что это у вас на сапоге? Похоже на след от бутерброда!

Рядовой побледнел.

— Товарищ лейтенант, это... это не бутерброд! Это... э... грязь! Обычная грязь!

— Грязь, Мышкин, бывает разной, — назидательно произнёс Пётр Семёнович. — Бывает боевая, а бывает... безответственная. Ваша — из второй категории. Через пять минут чтобы сияло, как у кота усы после бани!

Мышкин сорвался с места и умчался в сторону щёток и гуталина с такой скоростью, будто от этого зависела судьба вселенной.

— А вы, Синицын, — повернулся лейтенант к новобранцу. — Почему у вас взгляд такой... растерянный?

— Товарищ лейтенант, я просто... пытаюсь всё запомнить, — тихо признался Синицын. — Тут столько правил... Я боюсь что-нибудь забыть.

Пётр Семёнович смягчился. В конце концов, он и сам когда-то стоял вот так, дрожа от волнения и пытаясь удержать в голове все эти бесконечные инструкции.

— Ничего, Синицын, — уже мягче сказал он. — Главное — не паниковать. Паника — враг дисциплины. А дисциплина — наше всё.

Новобранец кивнул, но в его глазах всё ещё читался немой вопрос: «А точно всё будет хорошо?»

В этот момент из-за угла появился майор Громов — тот самый, который славился своей любовью к неожиданным проверкам и умением одним взглядом заставить даже самого стойкого солдата почувствовать себя пятилетним ребёнком,

словавшим любимую чашку бабушки.

— О, Кошкин! — громогласно произнёс майор, подходя ближе. — Смотрю, учишь молодёжь уму-разуму?

Пётр Семёнович вытянулся по струнке, забыв, что ещё минуту назад чувствовал себя почти генералом.

— Так точно, товарищ майор! Провожу инструктаж перед заступлением на пост!

Майор окинул взглядом наряд. Остановился на сапогах Мышкина, которые теперь действительно сияли так, что в них можно было бриться. Потом перевёл взгляд на Сеницына, который старался стать как можно незаметнее.

— Ну-ка, новобранец, — обратился майор к Сеницыну. — Доложи, какие основные обязанности часового знаешь?

Сеницын сглотнул. Его лицо стало цвета свежего постельного белья.

— Э... часовой должен... э... стоять... и... не спать? — неуверенно выдавил он.

Майор хмыкнул.

— Не спать — это хорошо. Но мало. А если враг подкрадётся? Что делать будешь?

— Я... я закричу! — выпалил Сеницын.

— Закричишь? — переспросил майор, приподняв бровь. — И что, враг испугается и убежит?

— Ну... может, товарищи услышат и помогут! — с надеждой в голосе добавил новобранец.

Тут уже не выдержал даже невозмутимый Булкин — он

фыркнул, но тут же сделал вид, что закашлялся.

Майор Громов вдруг расхохотался.

— Ладно, Кошкин, — сказал он, отсмеявшись. — Вижу, работа с личным составом идёт полным ходом. Главное, чтобы к концу службы этот боец не только кричать умел, но и стрелять, и думать.

Он похлопал Петра Семёновича по плечу и пошёл дальше, оставив лейтенанта в лёгком замешательстве. С одной стороны, вроде бы похвалили. С другой — как-то слишком иронично.

Когда майор скрылся из виду, Пётр Семёнович выдохнул.

— Фух, — прошептал он. — Пронесло.

— Товарищ лейтенант, — тихо спросил Сеницын. — А правда, что если часовой закричит, то все прибегут?

— Правда, Сеницын, правда, — устало улыбнулся Пётр Семёнович. — Только лучше до этого не доводить. Давай-ка я тебе сейчас всё по порядку расскажу. И про обязанности, и про то, как врага замечать, и даже про то, почему сапоги надо чистить не потому, что майор велел, а потому, что так правильно.

И он начал объяснять, уже не как строгий командир, а как старший товарищ, который помнит, каково это — быть на месте Сеницына. А новобранец слушал, и в его глазах постепенно исчезала растерянность, сменяясь чем-то похожим на понимание.

К концу инструктажа все трое стояли ровно, смотрели

уверенно, а сапоги Мышкина действительно могли служить зеркалом. Пётр Семёнович ещё раз окинул их взглядом и удовлетворённо кивнул.

— Вот теперь, товарищи, вы действительно готовы. Идите и несите службу достойно.

Наряд ушёл, а Пётр Семёнович остался стоять, чувствуя, как внутри разливается странное, но приятное тепло. Он вдруг понял, что быть офицером — это не только про приказы и строгость. Это ещё и про то, чтобы помогать тем, кто только начинает свой путь, не бояться ошибок и верить, что из растерянного новобранца со временем вырастет настоящий солдат.

А где-то вдалеке уже слышался голос ефрейтора Булкина, который, видимо, решил продолжить воспитательную работу:

— Синицын, смотри не зевай! Враг не дремлет, а мы — тем более!

И Пётр Семёнович улыбнулся. День определённо задался.

Футболист

Петя мечтал стать футболистом с тех пор, как в три года пнул по банке из-под газировки и случайно попал в урну. С этого момента он понял: у него талант. Банка, правда, потом долго звенела, но Петя считал это аплодисментами судьбы.

Каждый день после школы он бежал во двор, где на вытоптанном пяточке собирались такие же мечтатели. Ворота у них были условные — два кирпича и воображаемая перекладина. Но для Пети это был «стадион мечты». Он надевал старые кеды, которые уже не помнили, какого они цвета, и выходил на поле с видом чемпиона.

— Сегодня я забью пять голов! — объявлял он, поправляя воображаемую капитанскую повязку.

Обычно он забивал максимум один — и то, если мяч случайно отскакивал от чьих-то ног прямо в «ворота». Но Петя не унывал. Он верил: главное — настрой.

Однажды во дворе появился новый парень — высокий, спокойный, с настоящей футбольной формой. Его звали Саша, и он уже ходил в настоящую секцию. Петя сразу понял: это его шанс.

— Слушай, научишь меня финтам? — попросил он, глядя на Сашу с обожанием.

Саша улыбнулся:

— Ладно. Смотри.

И показал пару движений. Петя пытался повторить, но вместо изящного обводки у него получалось что-то вроде танца с потерей равновесия.

— Ты как будто не мяч ведёшь, а пытаешься его уговорить пойти туда, куда надо, — засмеялся Саша.

Но Петя не сдавался. Он тренировался каждый день. Иногда ему казалось, что мяч его просто не уважает.

— Ну давай, будь хорошим! — шептал он, готовясь к удару.

Мяч в ответ улетал в кусты, за забор или, в особо драматичные моменты, прямо в окно тётки Маши с первого этажа. После третьего случая тётка Маша вышла во двор с таким взглядом, что даже мяч притих.

— Ещё раз — и я этот мяч на клумбу посажу! — строго сказала она.

Петя кивнул и пообещал, что больше ни-ни. Но мечта не сдаётся так просто.

На выходных во дворе устроили мини-турнир. Петя записался сразу, даже не раздумывая. Его команда называлась «Молния», хотя бегали они не быстрее черепахи, зато очень старались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.